

Н.В. Симонова

Война и мир Сирано де Бержерака (рассуждения участника Тридцатилетней войны)

В контексте военных европейских конфликтов первой половины XVII в. представлены взгляды Сирано де Бержерака на современную ему действительность. В романах-путешествиях «Государства и империи Луны», «Государства и империи Солнца» участник Тридцатилетней войны рассуждает о причинах, целях и характере военных столкновений, в которых колоссальные человеческие жертвы оправдываются формулой, что за родину надо умирать. Он предлагает свой, как ему кажется, более справедливый способ ведения войн и условия заключения мира, где решающая роль отводилась научному диспуту, а победа ученых мужей приравнивалась к трем «викториям» на поле брани. В статье анализируются исторические условия, повлиявшие на формирование взглядов французского утописта, раскрываются особенности психологии аноблированного дворянства в контексте противостояния «шпаги» и «мантии».

Ключевые слова: Сирано де Бержерак, французский абсолютизм XVII в., аноблированное дворянство, Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.), французский утопический роман.

XVII век – ключевой в общеевропейском историческом развитии, стремительном и неравномерном, основная тяжесть которого пришлась на первую половину столетия. Это было время, когда набирал силу процесс формирования национальных государств (современных европейских наций), укрепления самосознания, зарождения и становления общественного мнения. На пике борьбы находились силы, защищающие феодальные устои, и силы, расшатывающие их. Все четче обозначались государства с утверждавшимися буржуазными отношениями (Англия, Голландия, Франция) и страны, где феодализм заметно укреплял свои позиции (Центральная Европа, германские государства) [4, с. 28–29].

В 1640-е гг. общественные конфликты достигли кульминации: 1640 г. – восстание в Каталонии, отложение Португалии от Испании; выступления народных масс Сицилии и Южной Италии в 1647–1648 гг. и установление в Палермо и Неаполе, правда, на короткий срок, республиканского строя; Английская революция 1649 г., имевшая своим результатом низложение короля Карла I Стюарта и провозглашение

республики; годы т.н. Фронды, кризиса феодально-абсолютистской системы во Франции (1648–1653).

Для европейских народов войны стали представлять постоянную и всевозрастающую угрозу. Усовершенствование оружия сделали их более жестокими и кровопролитными, создание же массовых армий и военных коалиций – затяжными. Изменились характер, цели и масштабы конфликтов. Разворачивалась борьба за гегемонию в Европе, захват колоний, торговых путей, рынков сбыта и сырья, вовлекшая в замысловатый клубок противоречий большинство стран континента.

Трагической страницей рассматриваемого периода явилась Тридцатилетняя война (1618–1648) – первая общеевропейская война между двумя большими группировками держав: стремившимся к господству над всем «христианским миром» габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги), поддержанным папством, католическими князьями Германии и Польско-Литовским государством, и противодействовавшими этому блоку государствами – Францией, Швецией, Голландией, Данией, Россией, в известной мере Англией, образовавшими свою коалицию, опиравшуюся на антигабсбургское движение в Чехии, Трансильвании, Италии. Эти годы обернулись невосполнимыми людскими потерями, бедствиями, разорениями, нарушением экономической жизни, постоянным увеличением налогов. Чтобы представить мироощущение человека, жившего во время Тридцатилетней войны, достаточно обратиться к творчеству таких немецких поэтов, как Мартин Опиц, Пауль Флеминг, Пауль Гергардт.

*Опять пришла беда... Куда ж теперь податься,
Чтоб отдых отыскать и скорби не поддаться!
Да и о чем скорбеть? Ах, как тут ни крути –
Любой из нас уйдет. Все смертны. Все в пути. <...>*

*... И до чего ж охота
Средь брэнности найти незыблемое что-то,
Что не могло б уйти, рассыпаться, утечь,
Чего вовек нельзя ни утопить, ни сжечь*

[3, с. 348–349].

В отличие от более раннего времени, писатели стремились отобразить действительность не опосредованно через сюжеты и мотивы, взятые из мифологии и литературного наследия прошлого, а непосредственно. Именно благодаря этому литературный жанр как никогда прежде становится средством осмысления актуальных проблем современности. Литература делается созвучнее происходящему, «чувствительней».

Оттого нам, спустя века, понятны переживания свидетелей тех далеких событий:

*Жмут нас полчища врага.
Затопили берега
Реки, вспухшие от слез.
Кто нам пагубу принес?*

*Наши села сожжены,
Наши рати сражены,
Наши души гложет страх,
Города разбиты в прах*

[6, с. 363].

Поэты отчаянно призывают к возобладанию разума:

*Жить в согласие – не зазор,
А война – для всех разор.
Разве столько страшных бед
Стоят несколько побед?*

[Там же].

А когда разум, наконец, возобладал, в стихах выражается огромная радость и ликование в день провозглашения мира:

*Итак, сбылось! Свершилось!
Окончена война!
Несет Господня милость
Иные времена. <...>*

*Умолкни, глас гордыни!
Стремясь к иной судьбе,
Великий мир, отныне
Мы отданы – тебе!*

*Раскрой свои объятия
И страстно призови:
«Живите в мире, братья,
В покое и любви!»*

[1, с. 354, 356].

Сирано де Бержерак – участник Тридцатилетней войны, испытавший на себе ее ужасы, не мог не высказать своего отношения к происходящему.

Савиньен II Сирано де Бержерак родился в 1619 г. в Париже. Его детство прошло в небольшом имении отца близ столицы. У местного священника мальчик учился грамоте и латыни, в двенадцать лет поступил в коллеж де Бове, находившийся в ведении Парижского университета.

Завершив обучение, Сирано втянулся в разгульную и беспечную жизнь литературной богемы. Мизерной материальной поддержки со стороны отца ему явно не хватало. Тогда двадцатилетний юноша по совету своего друга Анри Николя Лебре в 1639 г. пошел на военную службу волонтером в королевскую гвардию, роту, почти полностью состоявшую из гасконцев, отличавшихся решительностью и мужеством. Еще в 1561 г. венецианский дипломат Микеле Суриано писал: «Что касается пехоты, то наилучшими для нее считаются гасконцы, потому что они наиболее стойко и больше других способны выносить тяготы войны» [цит по: 5, с. 153]. Однако за ними также закрепилась репутация хитрецов, остряков и забияк. Гасконский дух как нельзя лучше подходил нраву и характеру Сирано. Именно этот эпизод в жизни Бержерака послужил основой легенды о его гасконском происхождении и материалом для создания художественного образа в пьесе Э. Ростана «Неистовый гасконец» (1897 г.).

Служба в армии не принесла будущему романисту ни денег, ни славы. В 1641 г. он выходит в отставку. Два шрама напоминали о несостоявшейся военной карьере. Один – от ранения при осаде Музона, когда выпущенная из мушкета пуля насквозь пронзила ему грудь; другой – от удара саблей в горло под Аррасом. Ранения и неизлечимые в те времена недуги вынудили изменить привычкам беззаботной юности. Последнее десятилетие жизни Сирано (он умер в 1655 г.) отмечено болезнью и затворничеством:

*Мой милый друг, я очень болен,
Меня знакомым не узнать,
В своих желаньях уж не волен,
Болезни страшной я печать. <...>*

*Чердак мне заменяет Лувры,
Матрац соломою набит,
Чтоб холод не сводил мне скулы,
Я стареньким пальто укрыт¹*

[7, р. 43–44].

Но именно эти годы явились самой плодотворной порой его творчества.

Сирано де Бержерака интересовали многие вопросы французской действительности первой половины XVII в., в т.ч. вопросы войны и мира. Все они получили наиболее полное отражение в утопических сочинениях «Государства и империи Луны» [8, р. 5–99] и «Государства

¹ Перевод с франц. яз. Н.В. Симоновой.

и империи Солнца» [9, р. 100–199] (последнее осталось незаконченным). Оба романа-путешествия были изданы посмертно по рукописи, которая хранилась у Лебре.

Основная причина войн виделась Сирано в честолюбии правителей. Они готовы перегрызть друг другу горло, дабы потешиться сознанием собственного величия в единоличном господстве на увеличивающейся территории. Тогда все помыслы и заботы подчинялись единственной цели – победе: любое малейшее преимущество воспринималось как решающее [8, р. 56]. Но в то время, как монархи и их генералы сидели в кабинетах и рассуждали о проходившей кампании, множество людей на поле боя пробивали друг другу головы. Однако никто не считался повинным в колоссальных и зачастую напрасных человеческих жертвах, ибо нередко причиной кровопролития были корыстные цели зачинателей войн. Все оправдывалось формулой, что за родину надо умирать. Военачальники, по-видимому, должны были беспокоиться лишь о том, чтобы воинственные звуки труб и барабанный бой мешали солдату размышлять о значении своей жизни [Там же, р. 58–59]. И если для одних войны являлись способом удовлетворения самолюбия, то для убитых, раненых, изувеченных, разоренных, изнасилованных, осиротевших – источником всякой несправедливости [9, р. 156]. Разрушения и взаимоуничтожение народов бывший гвардеец определял как грех, совершаемый против природы [8, р. 57]. Он оспаривал многовековую традицию, что шпага, отнимающая жизнь, свидетельствует о благородстве его носителя [Там же, р. 88].

Все вышесказанное, казалось, могло бы быть преамбулой к дальнейшему развитию темы вплоть до идеи всеобщего мира. Однако в Иных мирах королей обуревали те же земные страсти, разрешаемые теми же, отнюдь не мирными, средствами [Там же, р. 55]. Правда, способ ведения войны был несколько отличный, «совестливый». Заключался он в следующем. Враждующие стороны избирали третейский суд, но не для разрешения возникшего конфликта за столом переговоров с соблюдением интересов обеих сторон. На него возлагались иные функции. Он устанавливал время для вооружения и похода. Определял количество людей для участия в сражении, а также день и место боя. Третейский суд следил, чтобы силы противников были равными: сильные противостояли сильным, слабые – слабым, искалеченные – искалеченным и т.п. Если во время сражения кто-либо (не по ошибке, а по злему умыслу) выбрал себе более немощного врага, то он осуждался как трус. Далее подсчитывали убитых, раненых и пленных. Сражение считалось выигранным той стороной, которая понесла меньшие потери. Затем в борьбу вступали «ученые мужи», и от их поведения в диспуте зависел исход

предприятия в целом, т.к. победа ученых приравнивалась к трем «викториям» на поле брани.

Не все в Иных мирах высказывали свое согласие с подобным порядком. Так, один философ требовал от военного совета выработать более справедливую систему проведения вооруженных битв, которая позволила бы исключить во время боя какой бы то ни было элемент случайности. В противном случае все выглядело наподобие игры в кости, когда один из играющих выбивал семнадцать очков, а вслед за ним другой – восемнадцать. Никто не сомневался в правоте высказанных претензий, и, все-таки, в конце концов, пришли к выводу о том, что установить полную справедливость в таких делах невозможно и что впредь должно лишь руководствоваться принципом выбора из больших зол меньшего [8, р. 57].

Писатель, говоря о стремлении правителей к разделу мира, т.е. о явно грабительском, захватническом характере войн, не заострял на этом ни своего, ни читательского внимания, выводя честолюбие в качестве главной причины всех конфликтов. Низведение на нет мощи оружия в сравнении с силой разума сочеталось с признанием слабости «человеческого разума», неспособного установить полную справедливость, и, добавим, не дошедшего до осознания возможности мирного сосуществования и господства здравого смысла. Нет ничего более достойного, чем давать жизнь, и ничего более отвратного, чем лишать ее других. Таково глубокое убеждение Сирано де Бержерака. Самая несчастная страна, считал он, где в чести то, что приносит гибель, и постыдно то, что напоминает о рождении. Но в сопоставлении символов жизни и смерти чувствуется некая ироническая издевка. Предлагалось заменить шпагу, этот освященный традицией знак благородного происхождения, на медаль с изображением мужского детородного органа, выполненную из бронзы [Там же, р. 88–89].

Негативное отношение Сирано де Бержерака к войне как таковой очевидно. Что же препятствовало его безоговорочному осуждению этого общественного зла? Ответ следует искать в психологии дворянина в третьем поколении.

В феодально-дворянской среде традиционно воспитывались понятия о воинской доблести и чести. В сознании юношей культивировалось отношение к войне как к единственно достойному занятию; участие же в каком-либо труде считалось несовместимым с благородством происхождения. Нельзя забывать, что военные кампании – это и важнейший источник существования. Войны для данной категории населения были почти нормальным состоянием, «единственной этической нормой поведения», самоцелью и оправданием, ибо «...дворянину приличествует

добывать у других своею кровью то, что эти другие добывают своим потом...» [5, с. 143]. Воспитание в духе дворянского кодекса чести не позволили Сирано де Бержераку выйти за рамки взрастившей его среды, для которой жизнь без шпаги не имела реальной значимости. Высказывая свое критическое отношение к войне, он не смог дойти до осознания необходимости полного ее устранения. Да и реальность, в которой он жил, не давала возможности представить себе окружающий мир без войн.

Не исключая общечеловеческих позиций, задумаемся над тем, что же все-таки послужило основанием для столь явного противопоставления (пусть не до конца) позиции Сирано всему тому, что было приемлемо в его кругу. Это и критический взгляд на войну, это и злые выпады, так сказать, «против своих».

Абсолютная монархия, взяв на себя функцию по организации постоянной армии, именно из среды дворян выдвигала командиров и формировала привилегированные отряды на королевской службе. Для разоренного к началу XVI в. в большей своей массе родовитого дворянства армейская служба стала жизненной необходимостью. Один из современников заметил, что постоянное войско во Франции, по сравнению с другими странами, – наиболее многочисленное и лучше оплачиваемое. Заведено оно, помимо всего прочего, также и «для содержания дворян; и должности там так распределены, что довольно большое число дворян разных состояний может жить пристойно, хотя бы и не было никакой войны в королевстве...» [Там же, с. 152]. Но выходцам из аноблированного дворянства (к которым и относился Бержерак), по-видимому, трудно было рассчитывать на какую-либо приличную должность, ибо предпочтение отдавалось «родовитым». Это подтвердил и опыт самого Сирано. Он, прослужив два года, не получил никакого чина. Отсюда и естественная обида дворянина «мантии» на дворянство «шпаги».

Было и другое немаловажное обстоятельство. В условиях активной внешней политики французского абсолютизма первой половины XVII в., гражданских войн этого периода, казна постоянно ощущала дефицит. Военные расходы поглощали львиную долю доходов и достигали 41 млн ливров в год. Интенсивность, безжалостность нажима фиска ощущали на себе все слои населения. Это время отмечено многочисленными крестьянскими и городскими восстаниями, вызванными постоянным увеличением налогов [2]. От налогов и спада экономической активности страдала торгово-промышленная буржуазия. Дворянство воевало, не имея прежних прибылей от грабежей и контрибуции. Чиновничество негодовало от невыгодных условий полеты – принудительного ежегодного взноса за право продавать и передавать по наследству

занимаемые ими должности [2, с. 110]. Фискальные мероприятия вели не только к снижению жизненного уровня, но зачастую к полному разорению. Пострадала и семья Бержераков. Глава семейства в июле 1636 г. продал числившиеся за ним имения Мовьер и Бержерак [10, р. 258]. Безденежье подтолкнуло будущего писателя попытать свое счастье на войне. Разорение, неоправданные надежды на военную карьеру, тяжелые годы болезни, обострившейся вследствие беспорядочного образа жизни и полученных ранений, не могли не озлобить Сирано. Гнев обездоленного вылился в возмущение бесчинствами и ужасами военных столкновений.

Библиографический список

1. Гергард П. Ода в честь провозглашения мира // Колесо Фортуны. Из европейской поэзии XVII века / Пер. Л. Гинзбурга. М., 1989. С. 353–356.
2. Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Л., 1982.
3. Опиц М. Слово утешения среди бедствий войны // Колесо Фортуны. Из европейской поэзии XVII века / Пер. Л. Гинзбурга. М., 1989. С. 344–351.
4. Симонова Н.В. XVII столетие в европейской истории: материалы к уроку в старшей школе // Преподавание истории и обществознания в школе. 2003. № 4. С. 28–36.
5. Сказкин С.Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981.
6. Флеминг П. Новогодняя ода 1633 // Колесо Фортуны. Из европейской поэзии XVII века / Пер. Л. Гинзбурга. М., 1989. С. 358–365.
7. La maladie. Les oeuvres libertines de Cyrano de Bergerac. Paris, 1921. Vol. 1. Pp. XLIII, XLIV.
8. L'autre monde. Les estats et empires de la Lune. Les oeuvres libertines de Cyrano de Bergerac. Paris, 1921. Vol. 1. Pp. 5–99.
9. L'autre monde. Les estats et empires du Soleil. Les oeuvres libertines de Cyrano de Bergerac. Paris, 1921. Vol. 1. Pp. 100–199.
10. Prevot G. Cyrano de Bergerac. Paris, 1978.

Симонова Надежда Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

E-mail: Xim1000@mail.ru

N. Simonova War and peace by Cyrano de Bergerac
(Discourse of the Thirty Years' War participant)

The article represents the point of view of Cyrano de Bergerac on the contemporary reality in the context of the European military conflicts in the 1st half of the XVII century. The participant of the Thirty Years' War discusses the causes, goals and nature of military clashes in his novels "States and Empire of the Moon", "States and Empire of the Sun", where at the same time the enormous human sacrifices are justified by the formula that one must die for their homeland. He offers his "conscientious", as it seems to him, and more equitable way of waging wars and the conditions for concluding peace, where the crucial role was assigned to the scientific dispute, and the victory of the punditry was equated with three "victories" on the battlefield. The article analyzes the historical conditions that influenced the formation of the views of the French utopian, reveals the peculiarities of the psychology of the awarded nobility in the context of the confrontation between "cloak" and "sword".

Key words: Cyrano de Bergerac, French Absolutism of the XVII century, Awarded Nobility, Thirty Years' War (1618–1648), French utopian novel.

Simonova Nadezhda V. – PhD in History; associate professor at the Department of Ancient History and Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University